

Мэтью ДЕННИСОН

THE TWELVE CAESARS

Matthew
DENNISON

ДВЕНАДЦАТЬ ЦЕЗАРЕЙ

МЭТЬЮ
ДЕННИСОН

Издательство АСТ
Москва

УДК 94(3)(092)
ББК 63.3(0)32
Д 33

Серия «Страницы истории»

Matthew Dennison
TWELVE CAESARS

Перевод с английского *А.В. Савиновой*
Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

Печатается с разрешения издательства Atlantic Books Ltd
и литературного агентства Synopsis.

Деннисон, Мэтью.

Д 33 Двенадцать цезарей / Мэтью Деннисон ; [пер. с англ.
А.В. Савиновой]. — Москва : Издательство АСТ,
2015. — 320 с.

ISBN 978-5-17-088171-0

Дерзкий и необычный историко-литературный проект от современного ученого, решившего создать собственную версию бессмертной «Жизни двенадцати цезарей» Светония Транквилла — с учетом всего того всеобъемлющего объема материалов и знаний, которыми владеют историки XXI века!

Безумец Калигула и мудрые Веспасиан и Тит. Слабохарактерный Клавдий и распутные, жестокие сибариты Тиберий и Нерон. Циничный реалист Домициан — и идеалист Отон. И конечно, те двое, о ком бесконечно спорили при жизни и продолжают столь же ожесточенно спорить даже сейчас, — Цезарь и Август, без которых просто не было бы великой Римской империи.

Они буквально оживают перед нами в книге Мэтью Деннисона, а вместе с ними и их мир — роскошный, жестокий, непобедимый, развратный, гениальный, всемогущий Pax Romana...

УДК 94(3)(092)
ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-17-088171-0

© Matthew Dennison, 2012
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

«Нет хуже ереси, чем та, которую исповедует носитель власти».

*Лорд Эктон в письме Манделлу Крейтону,
5 апреля 1887 г.*

«А ведь именно удовольствия и наслаждения лучше всего позволяют судить по их характеру о достоинстве, возвышенности и умеренности каждого человека. Кто же может быть настолько легкомыслен, чтобы в его занятиях не проявилось никакой доли серьезности... Признаком высокого положения является прежде всего то, что оно не допускает ничего скрытного, ничего тайного, а высокое положение государей делает доступным молве не только то, что находится в их доме, но и все тайное, что происходит даже в спальне и в самых интимных уголках».

*Плиний Младший,
Панегирик императору Траяну, 82*

«Жажда власти, с незапамятных времен присущая людям, крепла вместе с ростом нашего государства и наконец вырвалась на свободу».

Тацит, История II.38

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	9
Юлий Цезарь (100–44 гг. до н. э.).	
«Слишком великий для простого смертного».....	12
Август (63 г. до н. э. – 14 г. н. э.).	
«Все хлопайте в ладоши»	39
Тиберий (42 г. до н. э. – 37 г. н. э.).	
«Всегда непроницаемый для окружающих».....	62
Гай Калигула (12–41 гг. н. э.).	
«Он одинаково свирепствовал против людей и против богов».....	91
Клавдий (10 г. до н. э. – 54 г. н. э.).	
«Поистине удивительный случай»	116
Нерон (37–68 гг. н. э.). «Рыбак на озере мрака»	140
Гальба (3 г. до н. э. – 69 г. н. э.).	
«Способен стать императором, пока он им не сделался».....	165
Отон (32–69 гг. н. э.). «Если я в самом деле был достоин верховной власти над римлянами...»	188
Вителлий (15–69 гг. н. э.). «Череда попок и кутежей» ...	208
Веспасиан (9–79 гг. н. э.). «Лисица шерстью слиняла, да нрав не сменяла!»	227
Тит (39–81 гг. н. э.). «Любовь и отрада рода человеческого»	261
Домициан (51–96 гг. н. э.). «Всего лишь третий?».....	285

ВВЕДЕНИЕ

«Точность не есть истинность», – писал Анри Матисс в 1947 г. Читатели римского историка Гая Светония Транквилла наверняка должны согласиться с этим утверждением. В своем труде «*De vita Caesarum*», «Жизнь двенадцати цезарей», написанном, вероятно, в течение десятилетия после восшествия на престол императора Адриана в 117 г. н. э., Светоний пытался добиться и того, и другого, так как точность и истинность у него нередко не совпадают. Очевидно, что первое качество, как правило, является результатом тщательного установления фактов и анализа свидетельств, а второе поддается проверке, если сравнивать данные одного первоисточника с другими. Также очевидно и то, что в «Жизни двенадцати цезарей» есть пробелы и места, где читатель должен соблюдать осторожность.

Подход Светония к биографии является всесторонним, охватывающим как общественную, так и личную жизнь героев, а высказывания беспристрастными. Он цитирует противоречивые мнения, последовательно демонстрируя аксиому, что у аргументов есть, по крайней мере, две стороны, и следуя предписанию Вирджинии Вульф о том, что биограф «должен допустить разные версии одного и того же факта»¹. Главная особенность его труда заключается не в пунктуальности, за исключением точной и смелой обрисовки многих неизвестных

биографических подробностей: автор использует (когда это ему выгодно) свободную хронологию или схематический подход к материалу, а его метод нередко состоит в сборе и накоплении огромной массы подробностей, что напоминает белку, запасающую орехи и грибы. Он не записывает историю, как ее понимали древние: рассказ об общественной и политической жизни государства в военное и мирное время, рассказ хронологический, пояснительный, летописный, тематический. Его работа – это описание жизни, допускающее вмешательство субъективного и признающее возможность альтернативных истин, это бравурное обличение закулисной жизни носителя власти. Если учитывать открытость подхода Светония, его нежелание что-то одобрять или кого-то обвинять, то его труд оставляет общее впечатление, напоминающее картины импрессионистов и пуантилистов: акцент на зрительное восприятие, игру света и тени, на отдельные участки, написанные дерзкими цветами, на энергичные поиски истинности и определенную преднамеренную живость, не ограниченную академичными условностями.

В исследовании, посвященном женским биографиям и написанном в самом конце девятнадцатого века, Мэри Хэйс писала: «Для римской нации было характерным величие во всем: в добродетели, пороках, процветании, неудачах, славе, бесславии, во взлетах и падениях»². Это была констатация времени, которое художники конца восемнадцатого века живописали с такой высокопарностью и особенности которого приписывали римским гражданам. Однако последующие поколения читателей согласились с точкой зрения Хэйс, поэтому жизнеописания Светония можно принимать как выражение такого «величия», приукрашенного десятком других оттенков, как полный перечень славы и бесславия, добродетелей и (значимых) пороков.

Ни одно повествование о двенадцати правителях Рима от Юлия Цезаря до Домициана не может не испытать на себе влияния Светония. Попытка отказаться от него имела бы неблагоприятный эффект и оттого не входила в мои намерения. Настоящая работа обращается к труду Светония в знак признательности безмерного богатства его предмета изучения и

авторской трактовкой. Я не старался подражать ни источнику, что невозможно, ни комментировать его с научной или критической точек зрения. В настоящей работе, как и в труде Светония, рассматривается широкомасштабность жизни героев в попытке раскрыть человеческие качества правителей, а также показать ушедшие навсегда моменты, которые крайне далеки от нашего жизненного опыта, но время от времени кажутся очень знакомыми. Она лишь косвенно затрагивает оценку лорда Эктона о связи доступа к власти с личной развращенностью, которая, бесспорно, послужила причиной впечатляющих неудач нескольких цезарей.

В данной книге «Двенадцать цезарей» рассматриваются – на основании дополнительных документов и второстепенных материалов (включая живопись) – некоторые аспекты первоисточника в попытке создать для читателей с широким кругом интересов портреты двенадцати выдающихся людей. А именно: политический аспект рассматривается через личностные качества, которые предлагаются для внимательного изучения, предоставлена даже история их жизнеописаний, выражающих другие истины. Ни один из этих портретов не является всеобъемлющим или энциклопедическим. Автор не ставил целью пощекотать нервы читателям, поучать их или дать назидательный пример. Материал расположен свободно, в тематическом и хронологическом порядке. Такой стиль имеет намерением пролить свет на первопричину, природу и результат жизни и деятельности людей, которые в противном случае не удалось бы вместить в книгу такого объема. Надеюсь, что каждый литературный портрет анализирует «креативный факт и плодородный факт, который наводит на мысли и порождает идеи»³. Настоящая книга предназначена для легкого чтения, и ее цель будет достигнута, если вдохновит хотя бы одного читателя вернуться к античной, справедливо прославленной «Жизни двенадцати цезарей».

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ (100—44 гг. до н. э.). «Слишком великий для простого смертного»

Обособленный благодаря своему высокому положению, «лысый развратник» Гай Юлий Цезарь скрывает от нас сокровенные уголки души и ума. «Так было всегда. Он всегда был верен своему принципу: «Пришел, увидел, победил». Он также писал и нетерпеливыми жестами и высоким голосом домогался от современников если не любви, то молчаливого согласия, содействия, признания, благоговения, шумных приветствий, энтузиазма и прежде всего восхищения и действий. Он не снисходил до объяснений, но беззастенчиво утверждал, что дороже самой жизни ему было публичное признание качества, называемое римлянами *дигнитас** (которое, согласно Цицерону, он ценил выше нравственного приличия)».

Масштаб его достижений поражал современников и вызывал у них неприязнь (как и привычка бесцеремонно обходиться со строгими требованиями закона в тех государственных органах, которые он завоевал подкупом, лидерскими качествами или просто личным обаянием). В античных источниках, в том числе в письмах Цицерона, обнаруживается такое двойст-

* *Dignitas* (лат.) – достоинство. В Древнем Риме этот термин обозначал уникальное духовное и культурно-субъективное социальное понятие, вмещающие такие качества, как «честь, достоинство, самоуважение, личная гордость».

венное отношение: в них не указан ни один мотив Цезаря, за исключением показной самоуверенности. Он открыто считал себя главным человеком в государстве. Цезарь не терпел над собой старших и однажды заявил, что предпочитает быть первым в горной глуши, чем вторым в Риме. Светоний утверждает, что он «позволял воздавать себе почести, слишком пышные для простого смертного...»*. «Не было таких почестей, которые он принимал бы без удовольствия». Мы хорошо знаем, чем это кончилось.

Время от времени Цезарь становился холодным, и неистовство амбиций защищало его от одиночества, вызванного эпической надменностью. Мы многое узнаем об этом человеке из горстки сохранившихся скульптурных портретов: длинноносый, широкобровый, с выступающими скулами и решительным, прямым взглядом, с залысинами, из-за которых он весьма переживал. Стиль подобных изваяний еще долго будет развиваться, прежде чем достигнет мягкой идеализации, которая трансформирует публичный облик его преемника Августа из автократического вундеркинда в нестареющего мраморного красавца. По утверждению письменных источников, внешность Цезаря была совсем не героической (из них можно также подчерпнуть сведения о том, что вежливость была ему не свойственна). Он одевался с эксцентричным великолепием, переделав сенаторскую тунику с пурпурной полосой в тогу с рукавами, украшенными по всей длине бахромой, и свободным поясом на талии. Позже он стал носить ярко-красные сандалии. Привередливость, граничащая с тщеславием, судя по слухам, заставляла его удалять лобковые волосы. По такого рода деталям римляне обычно обнаруживали слабости того, кто в иных отношениях казался великим, но при желании мы можем пренебречь данной частностью.

Из тридцати трех кинжальных ран, нанесенных Цезарю в мартовские иды 44 г. до н. э. заговорщиками (его друзьями-римлянами и соотечественниками, а также обманутыми мужьями и бывшими коллегами), смертельной оказалась только

* Здесь и далее цитаты Светония приводятся в переводе М. Л. Гаспарова.

одна – говоря поэтическим языком, рана в сердце, или близко к нему. Но умер отнюдь не поэт, хотя он писал стихи: одно стихотворение, с подходящим названием «Путешествие», было записано в течение двадцатичетырехдневного марша из Рима в Дальнюю Испанию. Скорее это была смерть человека, который много посеял и собрал соответствующий урожай. Как заявил сам Цезарь на обеде у Марка Лепида, в то время как вызревали разногласия, он всегда предпочитал скорую смерть. Заговор способствовал исполнению этого желания. Учитывая откровенное пренебрежение Цезаря к римскому правящему классу, его судьба, по словам Плутарха, была «не столько неожиданной, сколько... неизбежной»².

Испытывая непреодолимое влечение к афродизиаку власти, противясь повиновению в любом аспекте жизни, он создавал легенду относительно собственной исключительности и безудержного безрассудства, в которую никто не верил больше, чем он сам. В эпоху, когда необузданное самомнение прививалось большинству сыновей сенаторов, Цезарь с большой охотой поддался этому искушению³. Он мечтал о том, как будет править миром, как обещал ему предсказатель, и к этой цели его вели беспокойная душа, необузданная энергия и противоречащая здравому смыслу иррациональная потребность в исключительности. «Многочисленные успехи, – писал Плутарх, – не были для деятельной натуры Цезаря основанием спокойно пользоваться плодами своих трудов. Напротив, как бы воспламеняя и подстрекая его, они порождали планы еще более великих предприятий в будущем и стремление к новой славе, как будто достигнутая его не удовлетворяла»⁴. Этим успехам суждено было изменить политическую карту Европы и изменить ход западной истории в результате объединения диких северных земель с культурой и мировоззренческой системой юга. По сравнению с этим календарная реформа и месяц, названный его именем, кажутся мелочью.

То, что Светоний описывал как «неимоверную силу стойкости», способствует сказочному проявлению отчаянной хра-

* Здесь и далее цитаты Плутарха приводятся в переводе Г. А. Стратоновского и К. П. Лампсакова.

блости и упорства в борьбе с оппозицией, которая в других обстоятельствах оказалась бы непоколебимой.

В течение семи дней после убийства Цезаря Солнце было темным, как будто во время затмения, в ночном небе над Римом явилась комета необычной красоты, которая, по всеобщему признанию легковых, была душой погибшего. После смерти его обожествили, но легендой он стал еще при жизни. Шекспировский Марк Антоний в прощальной речи на похоронах утверждал, что зло, которое причинил Цезарь, пережило его, но вместе с ним погребены не все его добрые дела⁵. Пересмотр его роли начался с последним ударом кинжала. Даже Цицерон, чье отношение к Цезарю никогда не было доброжелательным, признал, что «он отличался одаренностью, умом, памятью, образованием, настойчивостью, умением обдумывать свои планы, упорством»^{*6}.

В любой области Цезарь сам творил собственную мифологию: далее мы узнаем, что это свойственно всем, стремящимся к исключительности своего положения. В его «Записках о Галльской войне», охватывающих период проконсульства в Галлии с 58 по 52 год до н. э., описывается добровольно принятая на себя задача военного подчинения Галлии империи (и лично себе) в интересах национальной безопасности. Однако истина заключалась в другом и была не настолько строго определенной. Тем, кто внес вклад в успех Цезаря, особенно его легату, Квинту Атию Лабиену^{**}, едва нашлось место в данном повествовании об этом военном апофеозе, так же как и редким неудачам и ошибкам самого Цезаря⁷. (Неудивительно, что позже Лабиен перестал соблюдать верность Цезарю.) Было бы легко считать Цезаря мошенником или мистификатором, однако он сам был абсолютно убежден в своей исключительности. Судя по повествованию Светония,

* Перевод В. О. Горенштейна.

** Вероятно, ошибка: «Тит (Titus Labienus) (ок. 100 – 7. III. 45 гг. до н.э.) – рим. политич. деятель, военачальник, нар. трибун. Будучи легатом Цезаря, в 58–51 гг. покорил ряд племен Галлии. В 50 г. оставлен Цезарем наместником Цизальпинской Галлии. В 49 г. Л. перешел на сторону респ. партии...» (Советская историческая энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия. Под ред. Е. М. Жукова. 1973–1982). Квинт Атий Лабиен был его сыном (*примеч. пер.*).